

ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ БЫТИЯ

В.И. Полищук

DOI: 10.7256/1999-2793.2014.12.13410

ПОНЯТИЕ «МЕРА» В ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ НИКОЛАЯ КУЗАНСКОГО

***Аннотация.** Мера обычно не рассматривается в числе культурологических понятий. Между тем, как полагает автор, она многое объясняет в культуре. Достаточно указать на тот, в общем-то, очевидный факт, что культура является своеобразной мерой человеческого бытия. Николай Кузанский не выделял понятие меры как особый предмет познания. Однако использовал его в изложении своих мыслей очень часто, поскольку мера для него служила средством определения иных понятий, таких как «учёное незнание», «абсолютный максимум», «неиное». Но в понимании им абсолютной или «точнейшей меры всех сущностей» имеется определённая тонкость, которую философ скорее подразумевал, не считая нужным, может быть, из-за её очевидности, останавливаться на ней специально. Автором применены в статье правила дедуктивной и индуктивной логики, необходимые аналитические процедуры, герменевтический и феноменологический методы. «Учёное незнание» необходимо для постижения «ничто» как абсолютного единения и меры бытия. Какого бытия? Ответ автора: человеческого, то есть бытия культуры. Вряд ли утверждение о том, что всё учение Кузанского можно отнести к философии культуры, к её онтологии, в частности, будет преувеличением. Понимание равнозначности обеих сторон меры, а также признание факта, что современная цивилизация – это преимущественное развитие метрической стороны меры, обязывает настаивать на особой значимости другой – аксиатической – её стороны.*

***Ключевые слова:** бытие, сущее, мера, культура, философия, ум, первообраз, конъектура, неиное, совпадение противоположностей.*

Мера обычно не рассматривается в числе культурологических понятий. Между тем, она многое объясняет в культуре. Достаточно указать на тот, в общем-то, очевидный факт, что **культура** является своеобразной **мерой человеческого бытия**. Но прежде, разумеется, необходимо разъяснить содержание самого понятия меры, выражающего собой отношения человека к миру, в том числе и к самому себе.

Действительно, в истории культуры многое связано с понятием и чувством меры. Призывы к умеренности можно найти и в народной мудрости, и в религиозных заповедях. Не обошли вниманием её и философы практически всех эпох и направлений. Может быть не всегда явно, но так или иначе присутствует во многих учениях стремление выявить абсолютную меру вещей, мышления или бытия в его «тотальности». Но, как и в алхимии, где поиски «философского камня» приводили совсем к иным, может быть, более практическим результатам, так и в самой философии универсальная мера всего сущего оставалась не-

уловимой, зато расширялись и углублялись представления о сущем.

Николай Кузанский не выделял понятие меры как особый предмет познания. Однако использовал его в изложении своих мыслей очень часто, поскольку мера для него служила средством определения иных понятий, таких как «учёное незнание», «абсолютный максимум», «неиное». Но в понимании им абсолютной или «точнейшей меры всех сущностей» имеется определённая тонкость, которую философ скорее подразумевал, не считая нужным, может быть, из-за её очевидности, останавливаться на ней специально. Понять существо этой очевидности важно, хотя и непросто, поскольку очевидное для мыслителей прошлых эпох может не быть таковым для сегодняшнего дня. Кроме того, возможно именно в них, в этих неявных для нас, сохранённых лишь «по умолчанию» деталях общих конструкций заключены механизмы понимания философских проблем, и по сей день волнующих мыслителей.

Не выделяя особо понятие меры, Кузанский много внимания уделял близким к ней понятиям

качества и количества. Их анализ связан у философа с решением теоретико-познавательных проблем в культуре, не являвшихся, разумеется, простым средством удовлетворения интеллектуального любопытства. Ведь для мыслителя проблемы познания бытия нередко являются и проблемами его самопознания. Вопрос заключается лишь в методах, посредством которых можно различать истинное познание, а значит и бытие, и неистинное.

Обычное человеческое познание, рассуждал Кузанский, связано с постижением количества, что следует из нашего стремления определить нечто, то есть разделить его. Разум наш так же близок к истине, как «многоугольник к кругу». Этот круг – божественной природы. Как бы ни стремились мы свести многоугольник к кругу, как к пределу и максимуму, нам не сделать этого путем привычного накопления количества: максимум «постигается непостигаемо». В нём совпадают все противоположности, полагал Кузанский, «а поскольку ему ничто не противоположно, с ним совпадает и минимум»¹. И далее: «Точно так же, раз всякая сущность в максимальной сущности есть сама эта максимальная сущность, максимум есть не что иное, как точнейшая мера всех сущностей»².

Кузанский был согласен с Аристотелем, утверждавшим, что познание бесконечности как максимума невозможно, поскольку ум, постигающий количество, исключает её. Но, продолжал Кузанский, поскольку бесконечность, несомненно, предшествует количеству, постигаемому умом, она присуща любому нечему. Такое бесконечное он называл «неиное». Как и абсолютный максимум, оно есть само по себе различие и мера всего, что существует и не существует, мера всего сущего и не сущего.

Вслед за Альбертом Великим и Фомой Аквинским, Кузанский отождествлял понятия «ум» и «мера», основываясь на этимологической схожести этих слов³. Отмечая данный факт, исследователь творчества Кузанца З.А. Тажуризина пишет, что подобный приём «наполняется содержанием, соответствующим естественнонаучным устремлениям

периода подготовки капитализма»⁴. Стоит отметить, что этимологическая схожесть и сегодня является основанием для поиска исходного смысла тех или иных родственных понятий.

Ум, по Кузанскому, создаёт число, от ума и множество, и величина, он – всё, что разумно, а вонне существует лишь простая телесность. «Так мера всякой вещи, или её граница, происходит от ума», – писал Кузанский. И продолжал: «Дерево и камни также обладают известной мерой и границей, только не от нашего ума, а от ума несотворённого, от которого исходит граница всякой вещи»⁵.

Но каким способом ум может быть мерой неозримого многообразия вещей? Тем, отвечал философ, «каким совершенный облик (*absoluta facies*) мог бы сделать себя мерой всех обликов. Понимая, что ум есть абсолютная мера, не могущая быть больше или меньше, так как она не сводима к количеству, и, понимая также, что эта мера – живая, так что измеряет она сама собою, как если бы живой циркуль мерил сам собою, ты постигаешь, что ум делает себя понятием, мерой и первообразом, чтобы постигнуть себя во всём»⁶.

Если вообразить ум, каким видел его Кузанский, представить его в виде образа, то нетрудно заметить, что ум этот похож на образ гераклитовской психеи. Живая точка (зрения? – В.Л.), противостоящая всякой протяжённости, является, с одной стороны, её началом, с другой – образом, «первообразом всех вещей», то есть Бога как абсолютно-го максимума, единого и неиного. Это как если бы «простейшая и неделимая вершина угла идеально отшлифованного алмаза, – писал Кузанский, – в котором отражаются формы всех вещей, оказалась живой, она, созерцая себя самоё, нашла бы подобие всех вещей и через эти подобия могла бы составить себе понятие обо всём»⁷. Следовательно, сама способность ума к уподоблению существует до «подобия всех вещей», до всякого количества, в противном случае не смог бы он быть их «мерой и первообразом».

Ум, по Кузанскому, как писал А.Ф. Лосев, «выбрасывает», «порождает» из себя «конъектуры

¹ Николай Кузанский. Об учёном незнании // Николай Кузанский. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 51.

² Там же. С. 73.

³ Удивительно: ни тому, ни другому понятию не нашлось места в предметном указателе к двухтомнику сочинений философа (см.: Николай Кузанский. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль, 1979. С. 460-470).

⁴ Тажуризина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 119.

⁵ Николай Кузанский. Простец об уме // Николай Кузанский. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 420.

⁶ Там же. С. 423.

⁷ Там же. С. 403.

именно потому, что, рефлектируя самого себя, он сознаёт себя единственной основой, смыслом и мерой своего мира, то есть всей совокупности доступных его пониманию и воздействию вещей»⁸.

И все же такой ум, несмотря на свою изощрённость и кажущуюся креативность, ограничен сферой видимого. Он ищет и находит основу лишь среди конечных, уже «освещённых» вещей, не видя самого света, в котором познаёт что-либо количественное. Этот свет замутнён конкретным многообразием, превращённым иным – антиподом неинного.

Свет как именно свет, как неинное, можно видеть лишь духовным зрением. В отличие от обычного, телесного, оно не видит ничего, если прежде не видит и не понимает своей духовной сущности. Тот, кто обладает духовным зрением и знает об этом, находится в единстве с самим собой. Такое состояние есть простота и непосредственность бытия, где совпадают противоположности и до которой нужно возвыситься, по Кузанскому, или восстановить её, как позже утверждал Гегель, чтобы обрести философское знание⁹.

Принципу совпадения противоположностей Кузанец придавал большое значение. Об этом свидетельствует столь любимое им понятие неинного. Фактически он возрождает традицию древних восточных религий, продолженную в диалектических прозрениях Гераклита, в учениях элейской школы и атомистов, у первого софиста Протагора, и прерванную более поздними софистами. Упомянул об этом принципе и Платон в связи с мерой, как о единстве предела и беспредельного. Позже принцип совпадения противоположностей привлекал внимание неоплатоников, в частности – Плотина и Псевдо-Дионисия Ареопагита. У последнего, по мнению З.А. Тажуризиной, Кузанский почерпнул само понятие принципа, как и другие, связанные с ним понятия. Позже принцип использовался в учении Джордано Бруно, писавшего о нём: «...ясно, что не малого доискался тот философ, который проник в смысл совпадения противоположностей, и вовсе не глупый практик тот маг, который ищет, в чём состоит оно, это совпадение»¹⁰.

⁸ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 309.

⁹ См. об этом: Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1970. С. 384.

¹⁰ Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. СПб., 1914. С. 28.

Позже принцип почти исчезает из учений философов и вновь появляется лишь в немецкой классике, главным образом у Фихте, Шеллинга, у Гегеля и, несколько раньше, в философии И. Гамана. Заслуга Кузанского в том, что одним из первых он осознал значение принципа совпадения противоположностей не только в онтологическом, но и в эпистемологическом аспекте.

Если подходить исторически к мере как единству противоположностей,

то роль меры, которой по необходимости наделил себя человек, с самого начала оказалась внутренне противоречивой, двойственной. С одной стороны – стремление видеть себя во всём в качестве меры всего сущего, с другой – умаление себя до роли простого измерителя, вытеснение себя этим же сущим. Чем более человек утверждал себя в качестве меры, тем более явным становилось противоречие. Понятно, что источником противоречия было раздвоение исходного единства человека с миром. Память об утраченном единстве сохранилась не только в мифологических, но и в более поздних представлениях, как убеждение в изначальной мере бытия, включая человека. Но, вопреки памяти, именно раздвоение стало характерной особенностью человеческой деятельности. Её структура, если говорить о ней как о способе человеческого бытия, имела два все более явно различимых элемента и, соответственно, предмета: человека в качестве субъекта деятельности, и многообразие его отношений к миру.

Но и мера, как и ум, если рассматривать её как сохраняющийся принцип деятельности, обладает аналогичной двойственностью. С одной стороны, она есть то, по словам Аристотеля, «чем познается количество». Эту сторону можно определить как измерительную, или **метрическую**. Другая сторона меры является качеством, которым оцениваются те или иные свойства. Её можно определить как оценочную, или **аксиатическую**.

Если ум только «знает», то есть содержание его исчерпывается лишь одной противоположностью, он уподобляется бытию. Но Божественный Ум есть сила созидаящая, творящая само бытие. Как бы ни стремился ум полагаться лишь на знание, то есть исчерпывать бытие количественно, он никогда не достигнет состояния творчества, как многоугольник, вписанный в круг, не станет кругом. Такому уму Кузанец противопоставлял «абсолютное человечество», подразумевая под ним не просто множество людей, а человека, в ком это множество нахо-

дит свою определённую и ограниченность. Такой человек был бы в состоянии подняться до единения с максимумом и, без сомнения, отождествил бы себя с Богом, как и с человеком вообще, в первую очередь озабоченным совершенством вселенной. С человеком, восходящим в результате напряжённых усилий к всё более высоким ступеням познания и к мыслям о непостижимости бесконечного единства, которое «постигается непостижимо». Знание о непостижимом абсолюте является знанием незнания или, как его называл мыслитель, «учёным незнанием».

В связи с этим он вспоминал Сократа, убеждённого, что «знает только о своём незнании»¹¹. Человек, осознающий свою ограниченность, то есть обладающий «учёным незнанием», имеет нечто большее, чем знание, поскольку соединяет в себе низшее, преходящее и высшее, вечное. Он есть некая вселенская связь, сущность которой ему постигнуть не дано, зато он находит в себе, в меру своего разумения, идеи всех творений. Такого человека мыслитель называл, используя терминологию своего времени, Богочеловеком (*Deus et homo*). А что касается абсолютного единения, то оно «есть святой Дух»¹².

Среди исследователей творчества Н. Кузанского встречается мнение, что он обособлял качество и количество, не мыслил их в единстве, внося, тем самым, метафизический элемент в собственную систему¹³. Но уже на примере приведённых высказываний философа можно видеть, что никакого «отрыва качества от количества» или их обособления у него нет. Речь может идти лишь о возможности противопоставления количества качеству, а она заключена в самом процессе познания, в свойственной ему идеализации. Не знающее меры стремление к точности как своеобразному пределу, практическая необходимость в повторении, воспроизведении, репродуцировании – всё это явилось одной из характерных черт предстоящей эпохи. Две стороны меры – метрическая и аксиатическая – стали определять собой различные отношения человека к миру. Развитие и усложнение деятельности проявлялось в создании необходи-

мых средств, воплощавших обе стороны. Таковыми были меры в виде некоторых идеалов, образцов, эталонов, норм, примеров и т.п. Но, как и сам человек, они содержали в себе неразличимые вначале функции – метрическую и аксиатическую. Дифференциация деятельности, переход к относительно массовому производству способствовал обособлению функций. Мастерство, например, могло проявляться в том, чтобы создавать вещи не хуже известного образца, производить их количество в пределах заданного качества. Но в создании самого образца вопрос о количестве мог вообще не возникать. Подобный вид деятельности – его можно определить как художественный – порождал новые меры, преимущественно в аксиатической функции. Оба вида деятельности, каждый из которых основан на одной из функций меры, стали в Новое время относительно самостоятельными.

Кузанский, отмечая возможность подмены познания качества операциями с чистым количеством, предвосхитил эпоху, когда такая возможность стала действительностью, – «время количества», как называл его редактор «Анналов» Ф. Бродель.

Проблема, конечно, не в том, видел ли сам Кузанец качество и количество в их единстве, определяя тем самым меру как совпадение противоположностей, либо отрывал их друг от друга. Эти категории для философа были выражением царивших в его время нравов и предпочтений. Если вспомнить, что он связывал понятие духовности с тем, что противостоит количеству или миру «видимых вещей», по его терминологии, то есть с качеством, то можно видеть в его учении предостережение культуре Возрождения. А.Ф. Лосев, подробно анализируя эстетические отношения той эпохи, отмечал постепенно растущий интерес к так называемой «чувственной математике». Она всё чаще применялась в изображении человеческого тела, интересовавшего художников «как таковое», как особая эстетическая данность¹⁴. Восторг перед одним из ярчайших проявлений неувядающей жизненной силы – человеческим телом, попытки изобразить присущую ему гармонию, красоту и меру, постепенно вытесняли господствовавшее в средневековье пренебрежение к плоти. Тем самым преодолевалось преувеличенно ригористическое отношение к духу как первосущности и доминанте человеческого бытия.

¹¹ Николай Кузанский. Об учёном незнании // Николай Кузанский. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 51.

¹² Там же. С. 183.

¹³ См. напр.: Тажуригина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 52.

¹⁴ См.: Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 54.

В итоге можно было наблюдать «две культуры» (Ч. Сноу): материальное и духовное производство, науку и искусство, мораль и её «обратная сторона», а в самой науке – естественнонаучное и гуманитарное познание, и два основных метода – объяснение и понимание. В общем смысле обе культуры – дань телесности и духовности человека. В более конкретном смысле, их существование обусловлено двойственностью меры в познании.

Таким образом, невидимая природным глазом духовность человека представлена его телесностью, – эта мысль всё настойчивее утверждалась в творчестве титанов Возрождения. Геометрия тела вполне выражает качество духа, «свет единого», как его называл Н. Кузанский, невыразимого само по себе, темного и непонятного. Рационализм Нового времени не воспринимал качество как нечто рациональное, количество было понятнее. «Царство качества, – писал в начале XX в. французский философ А. Рей, – тёмное царство инстинкта, период начал; царство количества постепенно его вытесняет в области познания – это будущее нашего духовного владычества»¹⁵. Трудно откровеннее выразить какой-то иррациональный страх перед непостижимостью качества, а в сущности – духа.

В представлении деятелей эпохи Возрождения человек становился цельным, плотным, «неделимым» как атом. Все сущности были явлены ему и взгляду его открывались невиданные перспективы количественного прогресса. А.Ф. Лосев объяснял такое видение индивидуализмом Возрождения: «Но так как охватить силами одной человеческой личности всю бесконечную природу не было никакой возможности, то возрожденческий человек решил отказаться от своего чувства природы и от намерения овладеть природой, с тем, чтобы стать ничтожной песчинкой, ничтожным винтиком, но лишь бы охватить всё, пусть только одной наукой, пусть только рассудком, пусть только одной отвлечённой математикой, но лишь бы охватить и лишь бы забыть непосредственную данность природы как некую детскую наивность»¹⁶.

Разумеется, не было никакого сознательно принимаемого решения, но было начало становления рыночных отношений и капиталистического производства. Отношения, отчуждённые от непосредственной жизнедеятельности, содержание ко-

торой исчерпывается формой. Её стандартизация и однородность стали достаточным основанием для количественного выражения, не имеющего в себе, как и образование сокровищ, по словам К. Маркса, «никакой имманентной границы, никакой меры, а есть бесконечный процесс...»¹⁷. И беспредельность, добавим мы.

Но отрицание всех пределов есть предел отрицания и абсолютизация бессодержательности. Гуманизм Возрождения стал в действительности вырождением высоких идеалов эпохи, поскольку был основан на индивидуализме как условия и цели своей реализации. В кризисе гуманизма проявилась некая ирония истории в отношении человека, протестующего на словах против того, чтобы быть мерой, а на деле всегда выступающего именно в качестве меры. На деле, следовательно, не человек является мерой, а она становится «человеком» и «господином мира», если воспользоваться гегелевским выражением. Об этом и писал Н. Кузанский, в предвидении времени «обособления и господства» количества.

Диалектически закономерно, что обособленное количество превращается в свою противоположность, то есть становится качеством чего-либо. Абсолютизация количества влечёт за собой утрату сущности и смысла, что не так заметно в познании вещей, но по отношению к человеку, выступающему не только объектом, но и субъектом обескачества, утрата проявляет себя в качестве обратной стороны титанизма и возвышенных притязаний, о чём и писал А.Ф. Лосев. Приведя много примеров низости, порочности, жестокости известных деятелей Возрождения, он отмечал: «Мы твёрдо убеждены в том, что обратная сторона возрожденческого титанизма была в такой же мере исторически обусловлена, как и его прямая, и положительная сторона. Но если мы сейчас не сумели формулировать эту историческую необходимость, то это вовсе не значит, что такой необходимости не было»¹⁸.

Разумеется, такая необходимость была. Она в том и состоит, что диалектический принцип меры есть объективное основание человеческой деятельности. Какие бы иллюзии ни создавались в отношении самостоятельности и самодостаточности количества, утрата качества необходимо проявит себя как случайность достигаемых результатов,

¹⁵ Рей А. Энергетическое и механическое миропонимание. СПб., 1910. С. 199.

¹⁶ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 546.

¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 13. С. 114.

¹⁸ Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978. С. 137.

как их противоположность предполагаемым. Нео-сознаваемое качество неизбежно заявит о себе как стихия, именно как «темное царство инстинкта», что и произошло в эпоху Возрождения как десим-волизация человека, как следствие стремления видеть в нём торжество телесности.

Понятно, что Кузанский вовсе не противопоставлял качество и количество друг другу. В своём учении он стремился обосновать положение об ограниченности в своей сущности ума, вся деятельность которого направлена на познание количественных характеристик. Когда постижение бытия идёт путём сопоставления вещей, они и будут мерой друг для друга. Обретенная таким способом мера не будет истинной, а ум, обретающий подобные меры, не будет творческим, поскольку все условия его деятельности находятся вовне. Но сам по себе ум, что парадоксально и существенно, не входит в число этих условий. Он оказывается ненужным дополнением, приложением к собственной деятельности, поскольку полученные результаты существовали и существуют и без него. Поэтому Кузанский искал истинную меру и вещей, и самого ума. Он находил её в понятиях неиноного и учёного незнания. Отрицательная форма, в которой он выражал своё понимание истинной меры – кажушаяся.

С этим связана тонкость, о которой упоминалось в начале статьи. Без сомнения, философ понимал, что истинной и абсолютной мерой всех вещей по определению должна являться мера в её

предельном значении, то есть мера сама по себе, как продукт и понятие культуры. Он и не выделял меру особо, поскольку в контексте его учения она существует вне всяких отношений. У неё нет иных каких-либо определений, кроме абсолюта как неиноного. Мера – это абсолютное единение и дух мира творений, то есть сущность культуры как самотворчества человека. Объективные ценности культуры не выражают дух, поскольку слишком конкретны и определённы. Дух, как мера культуры, есть сущность последней, а сущность – это не нечто, но «лишённое определений ничто из всего»¹⁹.

«Учёное незнание» необходимо для постижения «ничто» как абсолютного единения и меры бытия. Какого бытия? Наш ответ: человеческого, то есть бытия культуры. Вряд ли утверждение о том, что всё учение Кузанского можно отнести к философии культуры, к её онтологии, в частности, будет преувеличением. А если так, то вполне определённо можно утверждать, что мере он отводил в своей философии далеко не второстепенную роль. Можно ли говорить о равнозначности обеих сторон меры? Она необходима, поскольку выражает сущность меры, что, в общем-то, легко объяснить. Но именно понимание этого, а также признание факта, что современная цивилизация – это преимущественное развитие метрической стороны меры, обязывает настаивать на особой значимости другой – аксиатической – её стороны.

Список литературы:

1. Амельченко С.Н. Модусы должного и сущего в противоречиях модерна и постмодернизма // Философия и культура. 2011. № 5. С. 176-186.
2. Бруно Дж. Изгнание торжествующего зверя. СПб., 1914.
3. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет. В 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1970.
4. Гумерова Г.А., Никифорова А.А. Проблема философии творчества Николая Александровича Бердяева // NB: Философские исследования. 2014. № 5. С. 71-89. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.5.12073. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_12073.html).
5. Гуревич П.С. Глупость – родная сестра абсурда // Философия и культура. 2014. № 5(77). С. 645–650. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963).
6. Ларин Ю.В. Философия – философия культуры – культурология // Культура как вид человеческого бытия и познания: сб. материалов Всероссийской научн. конф. с международным участием в ИГПИ им. П.П. Ершова. Ишим, 2013. С. 31-36.
7. Лосев А.Ф. Эстетика Возрождения. М., 1978.
8. Николай Кузанский. О даре Отца светов // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
9. Николай Кузанский. Об учёном незнании // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
10. Николай Кузанский. Простец об уме // Николай Кузанский. Сочинения в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979.
11. Полищук В.И. Мера в культуре: становление категории и принципа // Философия и культура. 2014. № 9(81). С. 1355–1361. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12633).

¹⁹ Николай Кузанский. О даре Отца светов // Николай Кузанский. Соч. в 2-х тт. Т. 1. М.: Мысль, 1979. С. 333.

12. Рей А. Энергетическое и механическое миропонимание. СПб., 1910.
13. Спирова Э.М. Философско-антропологическое содержание символа. М., 2012.
14. Тажурзина З.А. Философия Николая Кузанского. М.: Изд-во МГУ, 1972.

References (transliteration):

1. Amel'chenko S.N. Modusy dolzhnogo i sushchego v protivorechiyakh moderna i postmodernizma // *Filosofiya i kul'tura*. 2011. № 5. S. 176-186.
2. Bruno Dzh. Izgnanie torzhestvuyushchego zverya. SPb., 1914.
3. Gegel' G.V.F. Raboty raznykh let. V 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1970.
4. Gumerova G.A., Nikiforova A.A. Problema filosofii tvorchestva Nikolaya Aleksandrovicha Berdyaeva // *NB: Filosofskie issledovaniya*. 2014. № 5. S. 71-89. (DOI: 10.7256/2306-0174.2014.5.12073. URL: http://www.e-notabene.ru/fr/article_12073.html).
5. Gurevich P.S. Glupost' – rodnaya sestra absurda // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 5(77). S. 645-650. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.5.11963).
6. Larin Yu.V. *Filosofiya – filosofiya kul'tury – kul'turologiya* // *Kul'tura kak vid chelovecheskogo bytiya i poznaniya: sb. materialov Vserossiiskoi nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem v IGPI im. P.P. Ershova. Ishim, 2013. S. 31-36.*
7. Losev A.F. *Estetika Vozrozhdeniya*. M., 1978.
8. Nikolai Kuzanskii. O dare Ottsa svetov // Nikolai Kuzanskii. *Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1979.*
9. Nikolai Kuzanskii. Ob uchenom neznanii // Nikolai Kuzanskii. *Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1979.*
10. Nikolai Kuzanskii. Prostets ob ume // Nikolai Kuzanskii. *Sochineniya v 2-kh tt. T. 1. M.: Mysl', 1979.*
11. Polishchuk V.I. Mera v kul'ture: stanovlenie kategorii i printsipa // *Filosofiya i kul'tura*. 2014. № 9(81). S. 1355-1361. (DOI: 10.7256/1999-2793.2014.9.12633).
12. Rei A. *Energeticheskoe i mekhanicheskoe miroponimanie*. SPb., 1910.
13. Spirova E.M. *Filosofsko-antropologicheskoe sodержание simvola*. M., 2012.
14. Tazhurizina Z.A. *Filosofiya Nikolaya Kuzanskogo*. M.: Izd-vo MGU, 1972.